

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-8-26
УДК 94:271.22-75+821.161.1:271.22-75

ФЕНОМЕН СЕМИНАРИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСТОРИИ

Леонтьева Татьяна Геннадьевна

Тверской государственный университет,
Тверь, Россия
Leonteva.TG@tversu.ru

Аннотация. Семинарист, бурсак, попович – в контексте XIX в. понятие многозначное. С одной стороны, оно означало принадлежность к известной сословной категории или подчеркивало ученический статус молодого человека, обучающегося в духовной семинарии, с другой – презентовало некий собирательный образ, по преимуществу отрицательный, который к началу XX в. приобрел черты в полном смысле расхристанного бунтаря. В данной статье на основе анализа мемуаров известных литераторов и экс-семинаристов, литературных произведений и публицистики XIX в., а также ряда законодательных документов показано поэтапное формирование представлений современников об учениках духовных школ России, изъяны организации в них учебно-воспитательного процесса и их проявления в отклоняющемся поведении юношества из духовного сословия. Методологические подходы социальной истории позволили проследить формирование неразрешимого противоречия между социальной ролью наставника, пастыря, духовного отца, к которому должна была готовить духовная школа, и конфликтующим с окружающей средой семинаристом, находившимся в оппозиции к базовым установкам и принципам той образовательной среды, в которой он существовал. В заключение отмечено, что в рассматриваемый период обозначилась устойчивая тенденция обособления сообщества семинаристов в субкультурную группу, на которой лежала печать отверженности, что нашло продолжение в зарождении их «новой» веры – веры в созидающую силу революции.

Ключевые слова: семинарист, семинаризм, духовная семинария, бурса, мемуары семинаристов, Помяловский, «Современник», русская литература XIX в.

Цитирование: Леонтьева Т.Г. Феномен семинаризма в литературе и истории // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 8–26. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-8-26 / Leontieva T.G. The Phenomenon of Seminarism in Literature and History, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 8–26. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-8-26.

© Леонтьева Т.Г., 2024

THE PHENOMENON OF SEMINARISM IN LITERATURE AND HISTORY

Leontieva Tatyana G.

Tver State University,

Tver, Russia

Leonteva.TG@tversu.ru

Abstract. Seminarian, bursak, Popovich – in the context of the 19th century the concept is ambiguous. On the one hand, it meant belonging to a certain class category or emphasized the student status of a young man studying at a theological seminary, on the other – a kind of collective negative image, which by the beginning of the twentieth century had acquired the features of a completely unchristened rebel. This article, based on the analysis of memoirs of famous writers and ex-seminarians, literary works and journalism of the 19th century, as well as a number of legislative documents, shows the gradual formation of contemporaries' ideas about students of theological schools in Russia, flaws in the organization of the educational process in them and their manifestations in the deviant behavior of youth from the clergy. Methodological approaches of social history have made it possible to trace how a seminarian in conflict with the surrounding social environment finds himself in opposition to the status of a future mentor, pastor, spiritual father, which his spiritual education allowed him to acquire. In conclusion, it is noted that during the period under review, there was a steady tendency for the seminarian community to separate into a subcultural group, which bore the seal of rejection, which was continued in the emergence of their "new" faith – faith in the creative power of revolution.

Keywords: seminarian, seminarism, theological seminary, bursa, memoirs of seminarians, Pomyalovsky, Sovremennik, Russian literature of the 19th century.

В воспоминаниях известного литератора и издателя XIX в. И.И. Панаева встречаются весьма примечательные реплики-цитаты, которые неизбежно озадачивают читателя: «Этого семинариста... раздражать нельзя», — говорил про Белинского один знаменитый военный историк» [Панаев, 1950, с. 256], хотя В.Г. Белинский, известный литературный критик, вовсе не был семинаристом. Однако это обидное прозвание закрепилось за ним во всем Петербурге. Тот же Панаев запечатлел еще один эпизод, связанный с радушным приемом «первого современного критика» в доме высокопоставленного генерала: «Я должен принимать к себе, ласкать этого наглого крикуна (В.Г. Белинского. — *Т.Л.*), этого семинариста, который ни статья, ни сесть не умеет в порядочном доме, из одного только, чтоб он не обругал меня публично... Если бы не это, я и на порог своего дома не пустил бы его» [Панаев, 1950, с. 258].

Откуда произрастала столь незавидная репутация, казалось бы, малозаметных и безобидных учащихся духовных учебных заведений? Когда и почему возникло противостояние там, где его не должно было быть по определению — между обществом будущих православных пастырей и их ближним окружением? Некоторые подсказки обнаруживаются в русской литературе XIX в.

Одним из первых выставил семинариста на всеобщее обозрение (по сути — на посмешище) В.Т. Нарезный в незатейливой повести «Бурсак» (1824 г.). В замкнутом, непроницаемом пространстве бурсы столкнулись наивный, бесхитростный недотепа и злобный, безжалостный, порочный его собрат, облеченный семинарскими порядками некоторой властью. Оба — будущие служители церкви.

Герои повести Н.В. Гоголя «Вий» (1835) — семинаристы из Киевской духовной школы. Молодые грешники, они выпивают, сквернословят, дерутся, и, похоже, не только на вакациях, а один из них, с характерным именем Халява, — еще и вороватый. Но все же грех предельной концентрации воплощен в образе Хомя Брута, которому по сюжету пришлось столкнуться с нечистой силой. И оказывается, что привычные ложь, чревоугодие, святотатственные ругательства, пьянство — грехи, действительно, тяжкие и не оставляют надежд на спасение физическое и духовное. Автор «уводит его со сцены», обозначая тем самым не только тему личного спасения, но проблему веры, церкви, духовенства как религиозную и социальную.

Для тех, кому внутрицерковные «нестроения» были известны только понаслышке, показались скандальными высказывания священника из Тверской епархии И.С. Белюстина и Н.Г. Помяловского, экс-семинаристов, по родству связанных с духовным сословием. Накануне Великих реформ они громогласно заявили об изъянах в устройстве духовных школ, бедности и пороках семинаристов, убогости бурсацкого бытия [см. подробнее: Белюстин, 1858; Помяловский, 1977].

Помяловский сформулировал (и, пожалуй, «открыл» для осмысления) проблему религиозности семинаристов, обозначая ее как «смесь дикого фанатизма с полной личной апатией к делу веры». И дело вовсе не том, что семинарист в понимании сути

веры «бестолковее всякой бабы, взятой из самой глухой деревни». Отравленные науками, которые «писаны таким диким языком, вымощены таким непроходимым камнем», они, по мнению автора, скорее атеисты, чем верующие. Примечательно, что данная мысль сопровождается весьма едкой аллюзией: под бурсацкой религиозностью скрывается «полный, абсолютный», не сознательный, «... а животный атеизм необразованного человека, атеизм кошки и собаки» [Помяловский, 1977, с. 150].

Упреки в клевете, «упоении грязью», которые прозвучали сразу после публикаций, не стихали, куда существовали семинарии. Но если писания провинциального попа Белюстина столичные литературные критики «не заметили» [см. подробно: Леонтьева, 2012, с. 76–83]¹, то «мрачные, беспросветные картины Помяловского» впечатляли. Более того, по мнению известного литературного критика П.В. Анненкова, «несмотря на талант» автора, его произведение находилось «за пределами искусства» [Жанровое своеобразие ...]. Получалось, что писатель невольно выступал в роли своего рода социолога.

Независимо от общественно востребованной беллетристики, масса примеров «отклоняющегося» поведения семинаристов и калечащей их повседневности обнаружится в естественно сложившихся комплексах документов – их воспоминаниях [см. подробнее: Руткевич, 1899; Цезаревский, 1906; Смирнов, 1910 и др.], дневниках, жизнеописаниях [Поздеев, 2001a; Поздеев, 2001b; Поздеев, 2011]² и, что немало важно, – в первом научном труде протоиерея, профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского [Знаменский, 1881]. Они же отражают и положительные эффекты образовательной деятельности семинарий. Но это произойдет через двадцать-тридцать лет, а пока семинаристы персонально и в собирательных образах выступали фигурами одиозными.

Отметим, что русской литературе 1860-х гг. все же появляется «альтернативный» образ семинариста, представленный читающей публике И.С. Никитиным в повести «Дневник семинариста» (1858–1860). Выпускник Воронежской духовной семинарии, Никитин «списал» черты своего героя Яблочкина с воронежских бурсаков (опубликовано в «Воронежской беседе» в 1861 г.). Но Яблочкин – верующий, умный, порядочный, жаждущий знаний и «необыкновенно даровитый» – умирает (!) в семинарской больнице, а сочувствующий ему приятель Василий Белозерский мечтает об университете.

Возможно, пороки семинарского быта еще долго оставались бы внутриведомственной проблемой, если бы «ничтожные бурсаки» не оказались вдруг в эпицентре государственной и общественно-политической жизни.

¹ Через некоторое время вышла 16-страничная брошюра, не известный в литературных кругах автор которой язвительно упрекал Белюстина в гордыне и извращении церковной жизни [Муравьев, 1859].

² Исследователь эпистолярного наследия учащихся духовных школ В.А. Поздеев отмечает, что их рукописи (по преимуществу стихи в личных тетрадках-журналах) на протяжении XIX в. «до боли напоминают рекрутские песни простого народа», где описывается «доля «бедного молодца», забитого схоластикой, зурбержкой, несправедливостью», а с начала XX в. в тексты проникают политические идеи.

Все началось, пожалуй, с М.М. Сперанского, когда «простой» попович с семинарским образованием на протяжении первой четверти XIX в. (хотя и с перерывом на ссылку) не только успешно продвигался по служебной лестнице, но и во многом определял политический курс государства. Однако «гениальный чиновник», едва ли не единственный в то время выходец из семьи священника, достигший высоких вершин власти (действительный статский советник), так и не стал «своим» в аристократической среде. «Безродным поповичем», «высочкой» именовали его те, кого он в свою очередь называл «толпой подьячих» [Фатеев, 1910, с. 39].

Такой же неприветливой к выходцам из духовного сословия оказалась и интеллектуальная среда, когда они появились на авансцене общественной жизни. По выражению Герцена, в середине XIX в. русскую литературу приходит «поколение семинаристов». Наиболее отчетливо это прослеживается в 1840–1850-е гг. в литературно-издательских кругах, близких к журналу «Современник». С 1847 г. его издавали Н.А. Некрасов, И.И. Панаев, А.В. Никитенко, окружение которых составляли маститые (и не очень) литераторы: И.С. Тургенев, А. Герцен, В.Г. Белинский, Н. Гончаров, Григорович, А.В. Дружинин, П.В. Анненков, В.П. Боткин. С появлением в редакции журнала экс-семинаристов Н.Г. Чернышевского (1853) и Н.А. Добролюбова (1857) «Современник» становится «трибуной революционной молодежи» и начинается «внутриредакционная борьба между революционно-демократическим крылом... и либеральным» [Панаев, 1950, с. XXXVII]. «Дружеский кружок» (так именовал редакцию «Современника» И.С. Тургенев» [Тургенев, 1987, с. 22]) оказался не готовым принять мировоззренческие установки «подвальных сотрудников» (выражение Боткина [цит. по: Фет, 2016, с. 1165]), и особенно — Чернышевского с его пониманием первостепенных задач литературы как «учебника жизни». Установка Чернышевского, безапелляционно изложенная в ряде публикаций, в том числе в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853), вызвала бурю восторгов и негодований.

Громче других возмущался Тургенев! В 1855 г. из Спасского-Лутовинова, где он проводил лето, в Петербург летели письма. Писания Чернышевского в них назывались «поганой», «гнусной мертвечиной», «мерзостью и наглостью неслыханной», «дичью», «вздором» [Тургенев, 1987, с. 38; Панаева (Головачева), 1972, с. 442]. Писатель дал «клятву — [...] преследовать, презирать и уничтожать его (Чернышевского. — Т.Л.) всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами!» [Тургенев, 1987, с. 42]. Скептически отнеслись к новым веяниям сотрудники «Современника»: литературный критик В.П. Боткин, П.В. Анненков — проповедники эстетического подхода к литературным произведениям [Тургенев, 1987, с. 428, 1166].

Тургенев укорял редакторов в том, что авангардный «Современник» становится «исключительно семинарским журналом; что ни статья, то семинарист оказывается автором!» [цит. по: Панаева (Головачева), 1972, с. 252]. В данном случае Тургенев намекает на публикации соратника Н.Г. Чернышевского, молодого литературного критика, поэта, с середины 1856 г. — начинающего автора и обозревателя «Современника» Н.А. Добролюбова, поповича с семинарским образованием. По мнению

Тургенева, «семинарские публицисты-отрицатели, не признающие эстетических потребностей жизни», требовали «стереть с лица земли поэзию, изящные искусства, все эстетические наслаждения и водворить грубые семинарские принципы. Бывшие семинаристы в литературе – Робеспьеры. ... Семинаристы топят журнал в грязной луже» [цит. по: Панаева (Головачева), 1972, с. 264].

Как отмечал единомышленник Тургенева писатель Д.В. Григорович, новое поколение в редакции «Современника» действительно было идейно и нравственно ничем не связано с прежними сотрудниками. А Добролюбов, который давал «камертон направлению журнала», откликнулся в своих статьях на самые острые темы, «не подчиняясь и не кланяясь литературным авторитетам», отзываясь об их «творениях как о самых обыкновенных, безавторитетных произведениях» [Панаев, 1950, с. 320–321, 323].

«Старые» сотрудники, обижаясь, что не они теперь «определяли идейную физиономию журнала», всячески третировали новичков, прежде всего на «профессиональной» почве. Тургенев утверждал, что в «статьях Добролюбова виден инквизиторский прием: осмеять, загрязнить всякое увлечение, все благородные порывы души писателя», что он «возводит на пьедестал материализм, сердечную сухость и с нахальством глумится над поэзией». Творчество этих «мальчишек» он рассматривал как опасное «вторжение» в русскую литературу и призывал всех ее почитателей употребить «все усилия, чтобы избавить ее от этих кутейников-вандалов» [цит. по: Панаева (Головачева), 1972, с. 269]. Когда после публикации «Отцов и детей» (1862) Тургеневу отказали в участии в студенческом концерте в знак неуважения студенческой корпорации за «клевету на молодое поколение», тот считал, что это произошло «по интригам Некрасова и семинаристов», сотрудников «Современника» [Панаева (Головачева), 1972, с. 307]. Тургенев упрекал Панаева, что на него как издателя «начинает влиять семинарская сфера», намекая на покровительство Добролюбову и симпатии его поколению, и ядовито иронизировал, предполагая, что скоро и сам Панаев будет ходить «в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, с сомнительной чистоты воротничком рубашки, без перчаток и в очках!». Нечто подобное высказывал и знаток литературы, либерал-западник П.В. Анненков [Панаева (Головачева), 1972, с. 263]¹. В конце концов Тургенев порвал с «Современником» и перешел в консервативный «Русский вестник» Каткова. А Панаев, «добрейший человек, мягкий, как воск, всегда готовый услужить товарищу, когда-то веселый, беспечный, любивший приятельскую компанию, находился теперь постоянно в мрачном, раздраженном до болезненности состоянии духа» [Григорович, 1961, с. 158].

Идейный конфликт нашел продолжение и за пределами редакции. С аристократическим презрением И.С. Тургенев – «видный молодой человек с лорнетом в глазу, с джентльменскими манерами» [Панаев, 1950, с. 248] – публично называл

¹ Как ни странно, но разлад между «литературными знаменитостями» и «литературными разночинцами» обнаружился еще при основателях журнала (даже А.С. Пушкин просил тайно передавать его первые номера молодому литератору Белинскому через Щепкина, предвидя недовольство «старого поколения» литературных деятелей) [Панаев, 1950, с. 294].

Чернышевского не иначе как «пахнущий клопами» [Тургенев, 1987, с. 42]¹. Передовая светская дама Е.А. Штакеншнейдер, в салоне которой собиралась вся творческая элита столицы, отзывалась о Чернышевском в тон Тургеневу: «...зная его лишь по его сочинениям, уважать его никак нельзя. Он антипатичен. Его юмор нахален и тяжел, а все серьезное дышит сомнением и самоуверенностью» [Штакеншнейдер, 1934, с. 282]. Он поражал современников еще и тем, что его секретарем и корректором был «фанатически преданный» бывший семинарист из Саратова, который закончил жизнь в лечебнице для душевнобольных [Пантелеев, 2015, с. 461].

Добавок ко всему, Чернышевскому, Добролюбову и им подобным вменялись поведенческие «изъяны» и даже особенности их внешнего вида. Со слов Панаевой, рассерженные литераторы находили, что общество Чернышевского и Добролюбова нагоняет тоску («мертвечиной от них несет!»). Григорович отзывался о Добролюбове как «весьма даровитом молодом человеке, но холодном и замкнутом» [Григорович, 1961, с. 158], Панаев называл его «одиноким», «сосредоточенным в самом себе», «очень осторожным и сдержанным»; «его мощный дух был заключен в слишком слабом теле. Он всегда имел вид болезненный, несколько утомленный» [Панаев, 1950, с. 320–321, 323, 324].

По воспоминаниям книгоиздателя и общественно-политического деятеля Л.Ф. Пантелеева, Чернышевский, который «никогда не выглядел богатырем, всегда держался несколько сутуловато, имел впалую грудь», на окружающих «производил впечатление растения, которое довольно долго простояло под колпаком: совсем оно не засохло, а так, несколько подзавяло» [Пантелеев, 2015, с. 464, 465].

Весьма заметная в свое время писательница Л.П. Шелгунова высказывалась более категорично: «Если бы жена его... не заботилась о его туалете, то он ходил бы Бог знает в каком виде, даже и при этом он зачастую являлся таким растерзанным...» [Шелгунова, 1901, с. 112].

Острый на язык Григорович уверял, «что он даже в бане узнает семинариста, когда он моется; запах деревянного масла и копоти чувствуется от присутствия семинариста, лампы начинают тускло гореть, весь кислород они втягивают в себя и дышать делается тяжело» [цит. по: Панаева (Головачева), 1972, с. 251].

Далекая от идейных споров и их последствий Софья Ковалевская, российский математик с мировым именем, дискурсивно вписалась в контекст эпохи, запечатлев в мемуарах безымянного соседа по имени: «нескладная долговязая фигура, длинная жилистая шея и бледное лицо, окаймленное жидкими желтовато-русыми волосами, большие красные руки с плоскими, не всегда безупречно чистыми ногтями» и при этом — «неприятный вульгарный выговор на "о", несомненно свидетельствующий о поповском происхождении и о воспитании в бурсе» [Ковалевская, 1989, с. 90].

¹ Следует отметить, что автор данного изречения — Григорович [Тургенев, 1987, с. 435], но обнародовал его И.С. Тургенев.

Эксплуатация отрицательных черт семинаристов встречается в репликах А.А. Фета — известного поэта и дипломата. В царившей в деловых кругах канцелярщине он усматривал «оттенок семинарии», а А.В. Никитенко в бытность профессором Санкт-Петербургского университета «по приемам и речам» узнавал семинаристов в студенческой среде [Никитенко, 2005а, с. 260]. Да и вспоминая свое появление в Петербурге, он писал: «Бледный, худой, одетый острогожским портным, я был похож на захудалого семинариста» [Никитенко, 2005а, с. 114].

Отмеченные случаи способствовали «стандартизации» отрицательного образа воспитанников духовных школ, что, однако, не исключало и иного отношения к ним. Надо отдать должное светской даме Елене Штакеншнейдер: она все же принимала в своем известном на весь Петербург литературно-музыкальном салоне наряду с представителями «высшего общества» литератора «из попов» Н.Г. Помяловского. Но при этом сокрушенно отмечала двойственность его поведения: в трезвом состоянии — «блестящий собеседник, веселый и остроумный», но, обремененный пороком пьянства, как некоторые его герои-семинаристы, он страдал запоями, которые случались через «одну-две недели», и пропадал на время «...в какой-нибудь трущобе ... в ужасном виде» [Пантелеев, 2015, с. 238–239].

Отметим, что инерция восприятия семинаристов в императорской России сохранилась на десятилетия, и ее проявления встречаются даже в советской литературе. Так, Юрий Тынянов «вложил» в уста одного из героев романа «Пушкин» ядовитую ремарку: «В наружности всех этих семинаристов ... есть нечто древовидное, но они, не правда ли, лишены достоинства деревьев — молчаливости» [Тынянов, 1988, с. 206].

Неизбежно возникает вопрос: откуда проистекала подобная неприязнь? Сословные предрассудки? Упомянутая выше А.Я. Панаева считала, что это следствие проникновения «умственной жизни» в другие (кроме дворянского) классы общества [Панаева (Головачева), 1972, с. 252], и — в продолжение ее мысли — появление так называемых «новых людей» — разночинцев, которые пришли на смену «лишним людям». «Новых людей» отличала жажда перемен. Современники огульно «окрестили» их нигилистами. «Партия Чернышевского» (выражение Н.П. Огарева) положила начало романистике о «новых людях», в противовес которой возникает антинигилистическая беллетристика [см. подробно: История русской литературы..., 1974, с. 20–45]. Однако в данном случае важны не перипетии литературной полемики, а ее продолжение в повседневных практиках рассматриваемого периода.

Из наблюдений Софьи Ковалевской: «Нигилизм стал пугалом всех родителей и наставников. Рассказывали страшные вещи о “коммунах”, где девушки и молодые люди жили при “полнейшем коммунизме”. Эти слухи будоражили тихую жизнь провинции. То и дело говорили, что у того или иного помещика “дочь сбежала к нигилистам”. Никто не видел и не знал, кто они такие, но призраки нового явления стали подбираться и к провинции» [Ковалевская, 1989, с. 86]. В ее воспоминаниях встречается довольно убедительный эскиз к картине «повреждения нравов» даже в незыблемых (как казалось) семьях священников. «Сын местного священника

о. Филиппа, прежде “радовавший сердца родителей добронравием и послушанием”, окончивший семинарский курс первым учеником, наотрез отказался идти в священники». Ничто не помогало наставить его на путь истинный, непокорный попovich уехал в Петербург и поступил в университет, обрекая «себя в течение четырех лет ученья на чай да сухую булку» [Ковалевская, 1989, с. 87]. Прибыв на первые каникулы, он заявил, что человек произошел от обезьяны, а души нет [Ковалевская, 1989, с. 87–89]. Образ Бога из его сознания вытеснил профессор Сеченов, но, как остроумно подметил Бердяев, не быть материалистом в то время «было нравственно подозрительным» [Бердяев, 1990, с. 39]. Опасным казалось другое: Ковалевская подчеркивает, что подобное, но «невиданное ранее поведение находило полное одобрение со стороны молодежи», а «...prestige молодого человека заключался в том, что он приехал из Петербурга и привез оттуда “идей”, а также журналы “Современник”, “Русское слово” и даже номер запрещенного “Колокола”» [Ковалевская, 1989, с. 92].

Внесли бывшие семинаристы свою лепту и в дискуссию по так называемому женскому вопросу. Общеизвестно, что сформулировали его мужчины в середине XIX в. Публичные дискуссии начались после публикации в «Современнике» статьи М.Л. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860). Однако полемические статьи Н.А. Добролюбова появились гораздо раньше. В его работах «Мысли об учреждении открытых женских школ (По поводу открытого недавно в Петербурге Курса учения для девиц, воспитывающихся в своих семействах, под управлением г-жи Труба» (1857), «Мысли об учреждении открытых женских школ» (1858) обосновывалась необходимость для девушек «широкого умственного и нравственного» образования. Реальное переосмысление положения женщины в обществе началось после издания романа Чернышевского «Что делать?» (1867), где понятие эмансипации представлялось в широком дискурсе: от права на труд и образование до партнерского брака, попирающего основы православной семьи.

В патриархально-патерналистской среде большинству читающей и мыслящей публики подобные идеи казались разрушительными, а их носители вызывали презрение и негодование. Не случайно А.В. Никитенко иронично отмечал: «По распоряжению министра народного просвещения, из саратовской семинарии не велено принимать в студенты университетов никого, так как там когда-то учился Чернышевский» [Никитенко, 2005b, с. 335].

Совершенно очевидно, в эпистолярном наследии XIX в. изображению семинарской среды (включая и ее персонажей) недостает ярких красок, преобладают лишь самые мрачные тона. Если признать мысль Н.А. Бердяева: «Русская литература родилась не от радостного творческого избытка, а от муки и страдальческой судьбы человека и народа» [Бердяев, 1990, с. 63], то семинаристы, безусловно, «способствовали» ее развитию.

А что же сами семинаристы? Как они видели себя в столь недоброжелательном окружении, как защищались? Их было немало в городах России. Православные духовные

семинарии — закрытые учебно-воспитательные заведения среднего звена — стали формироваться в церковном ведомстве с начала XVIII в., и на протяжении следующих столетий количественно они разрастались. По данным отчетов обер-прокуроров Св. Синода, к началу XIX в. в России функционировало 36 семинарий, к 1850-м годам — 47, к началу XX в. — уже 57 [см.: Доброклонский, 1999, с. 589; Всеподданнейший отчет..., 1910, с. 155]. Семинарии действовали почти во всех губернских городах, как в центре, так и на окраинах империи. Они были довольно крупными учебными заведениями: в среднем в каждом обучалось до 600 воспитанников [Сборник действующих..., 1885, с. 524] — будущих проповедников веры. Огромная совокупность фактов свидетельствует, что духовные школы оказались неспособны справляться со своим предназначением во многом из-за изъянов организации учебного и воспитательного процесса. В данном случае особенно важен последний.

Воспитательные задачи в семинариях были нацелены на формирование личности «идеального православного» в соответствии с имперски-подданическими понятиями. Теоретики этого вопроса отрицали принципы секулярной «светской педагогики» (идеи В.Г. Белинского, К.Д. Ушинского) и рассматривали воспитательные задачи семинарий в свете христианской антропологии. Такой подход предполагал комплексное воздействие на религиозную, психическую, эстетическую, моральную, интеллектуальную, социальную сферу личности семинариста. Но на пути реализации благих намерений вставали препятствия самого вульгарного свойства: бедность, голод, убогая повседневность [подробнее: Леонтьева, 2002; Леонтьева, 2016, с. 4–16; Попова, 2016, с. 57–72], — что не могло не сказаться на самопрезентации семинаристов.

Вводили их «в профессию» наставники, разные по уровню учености, талантов и благочестия. Как в любой преподавательской корпорации, среди них было немало достойных. Однако по свидетельствам их учеников, некоторые могли разве что насмешить своих подопечных. В записках тверского семинариста Павла Колерова (обучался в семинарии в 1840-е гг.), обладавшего, судя по тексту, острым глазом и языком, содержится немало комических впечатлений на этот счет [ТГОМ, ф. 3, оп. 1, д. 10]. Из воспоминаний экс-семинаристов следует, что и в других духовных школах воспитанники уже в первом классе своих наставников «встречали по одежке», замечали неряшливость, за которой скрывалась бедность, дурные привычки и пороки [Беговатов, 2016, с. 162–173]. Таких не только осмеивали, но и осмеливались обидно разыгрывать, полагая: бедный — значит беззащитный [ТГОМ, ф. 3, оп. 1, д. 10, л. 11; Историческая записка..., 1881, с. 563–564; Цезаревский, 1906, с. 271]. В ответ следовали «неуды», наказания и порой исключения. Непристойное для подобных учебных заведений поведение с обеих сторон провоцировало затяжные конфликты, перераставшие иной раз в бунты. Так было во времена Помяловского, мало что изменилось и к концу столетия. Уважительное отношение к наставникам — редкий сюжет в семинарской мемуаристике.

За стенами бурсы ее обитатели чувствовали себя чужаками. Уже внешним видом они шокировали горожан, поскольку гардеробом своим порой больше походили на босяков, чем на будущих служителей церкви. В некоторых семинариях пытались

снабжать учеников «правильной» одеждой. После реформ обер-прокурора Протасова (1830–1840) некоторые ректоры призадумались о бытовой стороне жизни своих воспитанников и стали напрямую увязывать «дефицит благости» с внешним видом молодежи. Так, в Твери примерно было принято решение унифицировать «наряд» бурсаков. Особым распоряжением вводился единый покрой верхней одежды. Каждый семинарист должен был иметь повседневный «сюртук темно-синего цвета, а нанковый – темно-серый, длиной за колено, двубортные сюртуки с застежкой на все пуговицы, начиная с первой верхней, так чтоб вся грудь была закрыта, а панталоны одинакового цвета с сюртуком, отнюдь не пестрые, не полосатые, тем паче не белые, галстуки – черные, шелковые и коленкоровые, картузы черные суконные широковерхие, без кистей, с полукозырьком и с плисовым черным околышком» [Историческая записка..., 1881, с. 28]. Но «модные советы» оказались не по карману большинству учеников.

Неоднократно предпринимавшиеся эксперименты в других семинариях также не увенчались успехом – главным образом по причине безденежья [Цезаревский, 1906, с. 250]. На деле приходилось занашивать до дыр стандартный набор: «затрапезный халат, фризовой сюртук, нагольный тулуп, картуз, грубые сапоги» [цит. по: Римский, 1999, с. 149]. При этом ровесники семинаристов – городские молодые парни – в праздничные дни уже вовсю обувались в «щиблеты» и носили «панталоны» [Холодная, 2001, с. 128–130].

Узнаваемым бурсак был и в крестьянской среде. Здесь его тоже встречали «по одежке», и при этом весьма неприветливо. Герой И.С. Никитина сокрушался: «... олодые бабы и девки смотрели на меня с какою-то странною улыбкой, и мне не раз приходилось слышать такого рода привет: “Гляди, молодка, гляди! Попович идет... Экой верзила!.. ”; наши лихачи-парни тоже отзываются обо мне не слишком вежливо и без особенной застенчивости находят во мне кровное родство с известною породою молодых домашних животных... Мне кажется, я никому и ничем не подавал здесь повода к этим насмешкам и никому не сделал зла; откуда же взялось это обидное пренебрежение к моей личности?» [Никитин].

Выдавала семинариста и специфическая речь. В стенах бursы они изобрели свой условный «технический» язык и изъяснялись на нем даже в быту. Так, новгородские школяры, чтобы случайно не проговориться, вместо «курить» – говорили «затележить»; «святыми» они называли «игральные карты», воронежские семинаристы любили «втыкнуть по Дворянской» – пройти франтом, щеголем по главной улице; а вятские – не любили «антимонии разводить» (вести скучные разговоры). Из духовных школ «ушли в народ» словечки вроде «бестия» (пройдоха), «свинтус» (стилизация под латынь), «катавасия» (суета, ссора); в Саратовской губернии прижилось словечко «сфурить» – украсть [Зеленин, 1905, с. 111, 112, 113, 117]. Бурсацкий фольклор широко представлен Помяловским в «Очерках...». Не случайно В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863–1866) рядом с «семинарскими измышлениями» делал специальную отметку «семинар.». Особенности речи семинариста подметили и русские писатели, о чем поведал устами

безымянного литературного героя И.С. Никитин: «...Вишь, как тачает! – бывало, скажет иной мужичок, – сейчас видно, что попович» [Никитин].

Внутренний строй семинарий даже по прошествии времени ассоциировался с тюремным (!) [Смоленский, 1906, с. 24], одной из причин назывались дурные нравы самих обучающихся. Даже обычные детские игры непременно включали элементы жестокости и глумления; не надо думать, что их трагические последствия – литературные выдумки Помяловского или Никитина. Об этом повествует, к примеру, выпускник Одесской семинарии Галабутский, отмечая, что ученики (и даже учителя), имеющие физический недостаток, становились объектом всеобщей травли; аналогичные сюжеты встречаются в воспоминаниях П. Колерова (Тверь) [см.: ТГОМ, ф. 3, оп. 1, д. 10]. Нормой (схожей с развлечением) были драки: «Дрались ежедневно и, можно сказать, ежечасно; дрались и в одиночку, один на один, и толпами, класс на класс, и прочее. Дерущихся сейчас же окружала жадная до таких зрелищ толпа и поощряла своими замечаниями. Силачей просто боготворили, слабым же приходилось до крайности плохо» [Галабутский, 1902, с. 5]. Регулярные бои с горожанами составляли черту повседневной жизни воспитанников и Волынской духовной школы [Смоленский, 1906, с. 12].

Избитым сюжетом семинарской мемуаристики является пьянство и сопутствующая этому пороку карточная игра [Леонтьева, 2018, с. 21–31; Попова, 2016, с. 57–72]. Бывшие семинаристы отмечали «обыденность порока», намекая на то, что иные учащиеся еще в младших классах не только склонны к пьянству, но и «впадают между собою в самые гнусные и даже противоестественные нечистоты» [Магницкий; ТГОМ, ф. 3, оп. 1, д. 10, л. 37 и др.]. Семинарские надзиратели и синодальные инспекторы подобные инциденты предпочитали не замечать. Между тем наказания за двойки, грубость, уклонения от молитвы в каждой семинарии применялись регулярно [см. подробнее: Леонтьева, 2016, с. 4–16]. О.Д. Попова установила, что в Киевской бурсе с воспитанников в середине XIX в. собирали деньги на розги [Попова, 2016, с. 60]!

Итак, XIX в. такой семинарист становится самостоятельным субъектом общественной жизни России. Практически лишенный детства, с травматическим опытом юношества, недокормленный, часто болезненный, плохо одетый, материально необеспеченный, конфликтующий с окружающей социальной средой, он находится в оппозиции к статусу наставника, пастыря, духовного отца, к которому готовит его духовная школа. Обозначилась устойчивая тенденция обособления сообщества семинаристов в субкультурную группу, на которой лежала печать отверженности и презрения, что нашло продолжение в зарождении их «новой» веры – веры в созидающую силу революции.

Она проникала через чтение, общение с гражданскими диссидентами, семинарский «самиздат» [Из материалов..., 1921; Попова, 2016, с. 57–72]. В итоге духовные школы России охватило широкое протестное движение [см. подробнее: Леонтьева, 2001, с. 29–43; Мраморнов, 2007, с. 103–146; Леонтьева, 2018, с. 21–31; Попова, 2016, с. 57–72; Павленко, 2009]. Уже в 1861–1862 гг. волнения среди семинаристов

и даже учащихся духовных академий прокатились по многим городам России, особенно заметные – в Казани и Перми [Freeze, 1983, pp. 237–238]. В 1870-е гг. в духовные школы проникают народнические и анархистские идеи: в эти годы представители духовного сословия составляли 17% арестованных за политические преступления. К началу 1890-х гг. эта цифра снизилась до 14%, но в целом оставалась значительной [см.: Антонов, 1965, с. 338; Kappeler, 1979, S. 534–537].

Разумеется, семинаристы, демонстрировавшие образцы агрессивности, неверия и аморализма, составляли лишь часть воспитанников духовных школ. Из этой же среды выходили и будущие церковные иерархи, и богословы, и подвижники православия. Нельзя недооценивать того, что, пройдя через бунтарский искуc, их вера в конечном счете укреплялась [см.: Сушко, 2010]. Но их присутствие в семинарии в столь бурное время было малозаметным, противостоять бунтарям они не могли.

Противоречия семинарской жизни сплелись в столь прочный узел, что даже теоретически трудно было «распутать» их. Очевидно, что духовная школа перестала соответствовать своему прямому назначению – быть рассадником веры. Семинарский быт, первый жизненный опыт исключали возможность формирования полноценных служителей культа, не говоря уже о подвижниках веры.

В заключение отметим, что термин *семинаризм*, появившийся в XIX в. для обозначения «профессионального» жаргона школяров из духовных учебных заведений, оказался гораздо более емким. Он символизирует социоисторическое явление, черты и смыслы которого обозначились в прозе и публицистике «шестидесятников» и нашли продолжение в эго-документах священников, для которых бурса – собирательный образ «российского строя жизни, нравственно калечащего личность человека, губящего талантливых, сильных людей». Последующая история показала пророчески верное видение представителями этого феномена будущего не только духовных школ, но России в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // *Русский заграничный сборник*. № 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et Co etc., 1858. 166 с.

Антонов В.С. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // *Общественное движение в пореформенной России*. М.: Наука, 1965. С. 336–343.

Беговатов Д.А. «Каков учитель, такие ученики»: преподаватели в духовных школах России в первой половине XIX века // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2016. № 3. С. 162–173.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

Всеподданейший Отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб.: Синодальная типография, 1910. Приложения. 584 с.

- Галабутский Ю.Г.* Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев: Тип. университета св. Владимира, 1902. 36 с.
- Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. 215 с.
- Доброклонский А.П.* Руководство по истории русской церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 936 с.
- Жанровое своеобразие произведения Н.Г. Помяловского «Очерки бursы». URL: <https://zvdом.ru/zhanrovое-svoeobrazie-proizvedeniya-n-g-pomyalovskogo-ocherki/> (дата обращения – 21 января 2024 г.).
- Зеленин Д.* Семинарские слова в русском языке // *Русский филологический вестник*. 1905. № 3. С. 109–119.
- Знаменский П.В.* Духовные школы России до реформы 1808 г. Казань: Тип. Императорского университета, 1881. 800 с.
- Историческая записка о состоянии Тверской духовной семинарии // *Тверские епархиальные ведомости*. 1882. № 1. С. 23–32.
- История русской литературы XIX века (вторая половина). Под ред. С.М. Петрова. М.: Просвещение, 1974. 576 с.
- Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. М.: Советская Россия, 1989. 300 с.
- Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX–начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
- Леонтьева Т.Г.* Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.–Тверь: СФК–офис, 2012. 412 с.
- Леонтьева Т.Г.* Учебный процесс в духовных семинариях России XIX в. по воспоминаниям выпускников // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2016. № 3. С. 4–16.
- Леонтьева Т.Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // *Вопросы истории*. 2001. № 1. С. 29–43.
- Леонтьева Т.Г.* Семинарский быт: свидетельства очевидцев (вторая половина XIX–начало XX в.) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2018. № 4(61). С. 21–31.
- Магницкий М.Л.* О пьянстве семинаристов и необходимости его искоренения. URL: www.bee.vsu.ru/publ/magnitsky.shtml (дата обращения – 21 января 2024 г.).
- Мраморнов А.И.* Духовная семинария в России начала XX века (на саратовских материалах). Саратов: Научная книга, 2007. 433 с.
- Муравьев А.Н.* Мысли светского человека о книге «Описание сельского духовенства». СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. 16 с.
- Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. 1. М.: Захаров, 2005а. 608 с.
- Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. 3. М.: Захаров, 2005б. 565 с.

Никитин И.С. Дневник семинариста. URL: <https://онлайн-читать.рф/никитин-дневник-семинариста/> (дата обращения – 21 января 2024 г.).

Павленко Т.А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2009. 414 с.

Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1950. 472 с.

Панаева А.Я. (Головачева) Воспоминания. Под общ. ред. В.В. Григоренко и др. М.: Художественная литература, 1972. 486 с.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М.: Книжный клуб книговедов, 2015. 688 с.

Поздеев В.А. Рукописные журналы семинаристов начала XX века // *Живая старина*. 2001а. № 4. С. 19–22.

Поздеев В.А. Семинаристская поэзия XIX – начала XX века // *Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре*. Вып. 1. М.: Лабиринт, 2001б. С. 197–208.

Поздеев В.А. Семинаристы в русской литературе XIX–начала XX в. Киров: ВятГГУ, 2011. 123 с.

Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. Л.: Лениздат, 1977. 176 с.

Попова О.Д. Мемуары семинаристов как отражение дискуссий о проблемах духовной школы второй половины XIX–начала XX вв. // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2016. № 2. С. 57–72.

Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 567 с.

Руткевич П. Семинарские годы. Воспоминания о Киевской духовной семинарии. 1873–1879. Киев: Тип. ОА Н.Т. Корчак-Новицкого, 1912. 21 с.

Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Сост. Т.В. Барсов. Т. 1. СПб.: Синодальная типография, 1885. 663 с.

С-к-й. Воспоминания Воронежского семинариста 1859–1865 годов // *Воронежские епархиальные ведомости*. 1899. № 19. Часть неофиц.

Смирнов Н. Муки моей души. М.: Типолитография тов-ва И.П. Кушнерев и К, 1910. 36 с.

Смоленский Н. Очерки современной бурсы. Картины, типы и типики. М.: Демократ, 1906. 67 с.

Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб.: СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. 256 с.

Тверской государственный объединенный музей (ТГОМ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 10.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. М.: Наука, 1987. 701 с.

Тынянов Ю.Н. Пушкин. М.: Московский рабочий, 1988. 574 с.

Фатеев А.Н. М.М. Сперанский. 1809–1909. Биографический очерк. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1910. 80 с.

Фет А.А. Воспоминания. М.: Директ-Медиа, 2016. 1697 с.

Холодная В.Г. Символика и атрибутика праздничного костюма парня в русской деревне с 40-х годов XIX по 20-е годы XX в. // *Мужской сборник*. Вып. 1. М.: Лабиринт, 2001. С. 125–136.

Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // *Звонарь*. 1906. № 1. Апрель.

Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1901. 239 с.

Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М.–Л.: Academia, 1934. 582 с.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 508 p.

Kappeler A. Zur Charakteristik russischen Terroristen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1979. Bd. 27. S. 520–547.

REFERENCES

[Belyustin I.S.] Opisanie sel'skogo dukhovenstva [Description of rural clergy], in *Russkii zagranichnyi sbornik*. No. 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et C° etc., 1858. 166 p. (in Russian).

Antonov V.S. K voprosu o sotsial'nom sostave i chislennosti revolyutsionerov 70-kh godov [On the question of the social composition and number of revolutionaries of the 70s], in *Obshchestvennoe dvizhenie v poreformennoi Rossii*. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 336–343 (in Russian).

Begovatov D.A. "Kakov uchitel', takie ucheniki": prepodavateli v dukhovnykh shkolakh Rossii v pervoi polovine XIX veka ["What is a teacher, such students": teachers in theological schools of Russia in the first half of the 19th century], in *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2016. No. 3. Pp. 162–173 (in Russian).

Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (in Russian).

Vsepoddaneishii Otchet ober-prokurora Svyateishego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905–1907 gg. [The most comprehensive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1905–1907]. St. Petersburg: Sinod. Tipografiya, 1910. Prilozheniya. 584 p. (in Russian).

Galabutskii Yu.G. *Iz vospominanii o dukhovnoi shkole 70-kh godov* [From the memoirs of the theological school of the 70s]. Kiev: Tip. un-ta sv. Vladimira, 1902. 36 p. (in Russian).

Grigorovich D.V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1961. 215 p. (in Russian).

Dobroklonskii A.P. *Rukovodstvo po istorii russkoi tserkvi* [Guide to the history of the Russian Church]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e, 1999. 936 p. (in Russian).

Zhanrovoe svoeobrazie proizvedeniya N.G. Pomyalovskogo "Ocherki bursy" [The genre originality of N.G. Pomyalovsky's work "Essays of Bursa"]. Available at: <https://zvd.com.ru/>

zhanrovое-svoeobrazie-proizvedeniya-n-g-pomyalovskogo-ocherki/ (accessed 21 January 2024).

Zelenin D. Seminarskie slova v russkom yazyke [Seminary words in the Russian language], in *Russkii filologicheskii vestnik*. 1905. No. 3. Pp. 109–119 (in Russian).

Znamenskii P.V. *Dukhovnye shkoly Rossii do reformy 1808 g.* [The theological schools of Russia before the reform of 1808]. Kazan': Tip. Imperatorskogo universiteta, 1881. 800 p. (in Russian).

Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tverskoi dukhovnoi seminarii [Historical note on the state of the Tver Theological Seminary], in *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*. 1882. No. 1. Pp. 23–32 (in Russian).

Istoriya russkoi literatury XIX veka (vtoraya polovina) [History of Russian literature of the 19th century (the second half)]. Ed. prof. S.M. Petrova. Moscow: Prosveshchenie, 1974. 576 p. (in Russian).

Kovalevskaya S.V. *Vospominaniya detstva. Nigilistka* [Childhood memories. Nihilistka]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989. 300 p. (in Russian).

Leont'eva T.G. *Vera i progress. Pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX–nachale XX vv.* [Faith and progress. The Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the 19th–early 20th centuries]. Moscow: Novyi khronograf, 2002. 272 p. (in Russian).

Leont'eva T.G. *Svyashchennik Ioann Belyustin: biografiya v dokumentakh* [Priest John Belustin: biography in documents]. Moscow–Tver': SFK–ofis, 2012. 412 p. (in Russian).

Leont'eva T.G. Uchebnyi protsess v dukhovnykh seminariyakh Rossii XIX v. po vospominaniyam vypusknikov [The educational process in the theological seminaries of Russia of the 19th century according to the memoirs of graduates], in *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2016. No. 3. Pp. 4–16 (in Russian).

Leont'eva T.G. Vera i bunt: dukhovenstvo v revolyutsionnom obshchestve Rossii nachala XX veka [Faith and rebellion: the clergy in the revolutionary society of Russia at the beginning of the twentieth century], in *Voprosy istorii*. 2001. No. 1. Pp. 29–43 (in Russian).

Leont'eva T.G. Seminarskii byt: svidetel'stva ochevidtsev (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.) [Seminary life: eyewitness accounts (the second half of the 19th–the beginning of the 20th century)] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 2018. No. 4(61). Pp. 21–31 (in Russian).

Magnitskii M.L. *O p'yanstve seminaristov i neobkhodimosti ego iskoreneniya* [On drunkenness of seminarians and the need to eradicate it]. Available at: www.bee.vsu.ru/publ/magnitsky.shtml (accessed 21 January 2024).

Mramornov A.I. *Dukhovnaya seminariya v Rossii nachala XX veka (na saratovskikh materialakh)* [Theological Seminary in Russia at the beginning of the twentieth century (based on Saratov materials)]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007. 433 p. (in Russian).

Murav'ev A.N. *Mysli svetskogo cheloveka o knige "Opisanie sel'skogo dukhovenstva"* [Thoughts from a secular person on the book "Description of Ecological Spirituality"]. St. Petersburg: Tip. Koroleva i K°, 1859. 16 p. (in Russian).

- Nikitenko A.V. *Zapiski i dnevnik* [Notes and diary]. Т. 1. Moscow: Zakharov, 2005. 608 p. (in Russian).
- Nikitenko A.V. *Zapiski i dnevnik* [Notes and diary]. Т. 3. Moscow: Zakharov, 2005. 565 p. (in Russian).
- Nikitin I.S. *Dnevnik seminarista* [The diary of a seminarian]. Available at: <https://онлайн-читать.рф/никитин-дневник-семинариста/> (accessed 21 January 2024).
- Pavlenko T.A. *Protestnoe dvizhenie uchaschichsya pravoslavnykh seminarii v period Pervoi rossiiskoi revolyutsii: 1905–1907 gg.* [The protest movement of orthodox seminaries students during the First Russian Revolution: 1905–1907]: dissertation ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. St. Petersburg, 2009. 414 p. (in Russian).
- Panaev I.I. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. literatury, 1950. 472 p. (in Russian).
- Panaeva A.Ya. (Golovacheva) *Vospominaniya* [Memoirs]. Ex.ed. V.V. Grigorenko i dr. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1972. 486 p. (in Russian).
- Panteleev L. F. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovedov, 2015. 688 p. (in Russian).
- Pozdeev V.A. Rukopisnye zhurnaly seminaristov nachala XX veka [Handwritten journals of seminarians of the beginning of the 20th century], in *Zhivaya starina*. 2001a. No. 4. Pp. 19–22 (in Russian).
- Pozdeev V.A. Seminaristskaya poeziya XIX–nachala XX veka [Seminary poetry of the 19th–early 20th century], in *Muzhskoi sbornik. Muzhchina v traditsionnoi kul'ture*. Vyp. 1. Moscow: Labirint, 2001b. Pp. 197–208 (in Russian).
- Pozdeev V.A. *Seminaristy v russkoi literature XIX–nachala XX v.* [Seminarians in Russian literature of the 19th–early 20th century]. Kirov: VyatGGU, 2011. 123 p. (in Russian).
- Pomyalovskii N.G. *Ocherki bursy* [Essays of bursa]. Leningrad: Lenizdat, 1977. 176 p. (in Russian).
- Popova O.D. Memuary seminaristov kak otrazhenie diskussii o problemakh dukhovnoi shkoly vtoroi poloviny XIX–nachala XX vv. [Memoirs of seminarians as a reflection of discussions about the problems of the theological school of the second half of the 19th–early 20th centuries], in *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 2016. No. 2. Pp. 57–72 (in Russian).
- Rimskii S.V. *Rossiiskaya tserkov' v epokhu Velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov)* [The Russian Church in the era of Great Reforms (Church reforms in Russia in the 1860s and 1870s)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e, 1999. 567 p. (in Russian).
- Rutkevich P. *Seminarskie gody. Vospominaniya o Kievskoi dukhovnoi seminarii. 1873–1879* [Seminary years. Memories of the Kiev Theological Seminary. 1873–1879]. Kiev: Tip. OA N.T. Korchak-Novitskogo, 1912. 21 p. (in Russian).
- Sbornik deistvuyushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya* [Collection of current and governing

- church and church-civil decrees on the department of the Orthodox confession]. Comp. T.V. Barsov. T. 1. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1885. 663 p. (in Russian).
- S-k-i. Vospominaniya Voronezhskogo seminarista 1859–1865 godov [Memoirs of a Voronezh seminarian from 1859–1865], in *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti*. 1899. No. 19. Chast' neofits. (in Russian).
- Smirnov N. *Muki moei dushi* [The torments of my soul]. Moscow: Tipolitografiya tov-va I.P. Kushnerev i K, 1910. 36 p. (in Russian).
- Smolenskii N. *Ocherki sovremennoi bursy. Kartiny, tipy i tipiki* [Essays on modern Bursa. Paintings, types and typics]. Moscow: Demokrat, 1906. 67 p. (in Russian).
- Sushko A.V. *Dukhovnye seminarii v poreformennoi Rossii (1861–1884 gg.)* [Theological seminaries in post-reform Russia (1861–1884)]. St. Petersburg: SPBGMA im. I.I. Mechnikova, 2010. 256 p. (in Russian).
- Tver State United Museum (TGOM). F. 3. Inv. 1. D. 10.
- Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. [The complete collection of works and letters]. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1987. 701 p. (in Russian).
- Tynyanov Yu.N. Pushkin [Pushkin]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1988. 574 p. (in Russian).
- Fateev A.N. *M.M. Speranskii. 1809–1909. Biograficheskii ocherk* [M.M. Speransky. 1809–1909. A biographical sketch]. Khar'kov: Tip. «Pechatnoe delo». 1910. 80 p. (in Russian).
- Fet A.A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Direkt-Media, 2016. 1697 p. (in Russian).
- Kholodnaya V.G. Simvolika i atributika prazdnichnogo kostyuma parnya v russkoi derevne s 40-kh godov XIX po 20-e gody XX v. [Symbolism and attributes of a guy's festive costume in a Russian village from the 40s of the 19th to the 20s of the 20th century], in *Muzhskoi sbornik*. Vyp. 1. Moscow: Labirint, 2001. Pp.125–136 (in Russian).
- Tsezarevskii P.V. Shestidesyatye gody v dukhovnoi seminarii. Vospominaniya [The Sixties in the theological seminary. Memoirs], in *Zvonar'*. 1906. No. 1. Aprel'. (in Russian).
- Shelgunova L.P. *Iz dalekogo proshlogo* [From the distant past]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva putei soobshcheniya, 1901. 239 p. (in Russian).
- Shtakenshneider E.A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [Diary and notes (1854–1886)]. Moscow-Leningrad: Academia 1934. 582 p. (in Russian).
- Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 508 p.
- Kappeler A. Zur Charakteristik russischen Terroristen, in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1979. Bd. 27. S. 520–547.

Статья принята к публикации 21.01.2024